

Глава 12. [Арка: Осколки воспоминаний]

□□[□□] - неизгладимый образ прошлого.

□□[□□] - жестокое ранение. Или та рана.

Единственное, о чём долгое время мечтали валенсцы. То, чего постоянно желали живущие на суровых северных землях. Причина, по которой бесчисленные государства, исчезнувшие в истории, непрестанно двигались на юг.

Незамерзающий порт.

— Что же нам делать?

Разрывая тягостное молчание, заговорила Йоханна.

— Из-за усиления контроля все сухопутные пути перекрыты. Рано или поздно это должно было случиться. Сираджан недовольна незаконной иммиграцией валенсцев. Рано или поздно это должно было случиться, но слишком быстрее, чем ожидалось. Теперь остаётся только морской путь, но как назло море замерзает именно сейчас.

Море замерзает. Средиземное море, которое безоговорочно считали незамерзающим.

Это место, расположенное в юго-западной оконечности Валенса, - ледяная земля, отделённая от Сирана Средиземным морем. В далёком прошлом их предки, говорят, жили в гораздо более северных краях. Однако, когда ледники неуклонно двигались на юг и земля промерзала, места обитания людей естественным образом смещались к югу. Спустя несколько поколений они оказались на самом краю земли.

Те, кто пришёл к выводу, что больше не могут жить в Валенсе, как раз намеревались переселиться в другие регионы. Дахван исключили - конфликтная зона. Нэйв - земля с развитой культурой, но после того, как они устроили там большой переполох с освоением и прочим, отношение стало неприязненным. Географически далеко, да и валенсцев презирали и дискриминировали.

В итоге Сиран, близкий по расположению, куда уже многие перебрались и обосновались, показался самым приемлемым. Однако недавно Сиран объявил о строгом преследовании нелегальных иммигрантов.

Раз Сираджан, одна из великих Четырёх владык стихий и хозяйка ветра, заявила, что больше не будет смотреть сквозь пальцы, обмануть её было невозможно. Всё, что в небесах, было её подданными и её глазами. Чтобы хотя бы ненадолго избежать этого взгляда, лучший путь - через море, за пределами её владений.

Но последний оплот - море - тоже замерзло. Странный лёд, который не раскалывается даже топором.

Корабль использовать нельзя. Очевидно, что разобьётся о лёд. Было бы хорошо, если бы вовсе промёрзло насквозь и можно было идти пешком, но до такой степени не дошло.

— Вот беда. Это действительно трудная проблема. Вы, должно быть, очень беспокоитесь.

Голос, говоривший негромко с сочувствием, хотя и использовал тот же ленский язык, был немного неуклюжим в произношении.

Взгляды всех разом устремились в одну точку. Среди белокожих людей нэйвец с чёрной кожей естественно выделялся. Херман мрачно предупредил:

— Да. Трудная проблема. И так тревожно, так что не раздражай и заткнись. Чёртов ублюдок.

— Мне действительно молчать? Даже если у меня есть способ решить вашу проблему?

Квадратный подбородок Хермана, скрытый за густой бородой, повернулся к нэйвцу. Тот был привязан к основанию столба, полностью лишённый поклажи. Встретившись взглядами, нэйвец улыбнулся.

— Если развяжете меня и вернёте вещи, расскажу способ.

— Сначала способ.

— Сначала развяжите.

— С чего нам тебе верить?

— Хм. Это справедливо.

Нэйвец беспечно покачал головой. Херман сжал кулаки под столом. Так, чтобы нэйвец не видел.

Нэйвец, внезапно появившийся в маленькой глухой деревне, неизвестной внешнему миру. Он был связан толстой верёвкой по рукам и ногам, но оставался предельно спокоен. Даже в ситуации, окружённый враждебными людьми. Словно знал, что так будет, у него не было и следа чувства опасности.

Херману этот нэйвец был жутко неприятен. Хоть и специально делал грозное лицо и говорил грубо, чтобы не показывать вида. Чувствовал себя так, словно даже его внутреннее состояние было раскрыто.

— Как насчёт этого? Расскажу, почему замерзает море.

Окрестности стали тихими, как мышь. Никто из них не знал. Почему спокойное море замерзает. Почему произошла небывалая аномалия погоды.

Но этот нэйвец. Этот чёрный человек, внезапно появившийся, знает причину? Причину странного явления, которую не знают даже коренные валенцы?

— Это море из-за своего особого положения поочерёдно опекается двумя духами - Еджи и Манар, верно? Широкое море, связанное со Средиземным, - место, где встречаются холодное течение Еджи, текущее из Валенса в Сиран, и тёплое течение Манар с противоположной стороны, образуя пограничные воды. Истинная сущность течения Еджи - русалка, тринадцатая дочь Хазенфлука из западного океана, Еджи Хазенфлук.

Нет, постойте. Учитывая любвеобильность Хазенфлука, известную всем, исправлю на тринадцатую дочь. Кто знает, когда появится новая младшая? Нэйвец добавил с улыбкой:

— Говорят, у неё прекрасный голос. Может, кто-то из присутствующих его слышал.

Как он и сказал. Голос русалки, курсирующей между морями Сирана и Валенса, обладал таинственной красотой. Когда она пела, даже спящие выходили к берегу и словно зачарованные, опьянённые наслаждались мелодией. Не раз и не два. Каждый год в это время она давала послушать свою песню.

За исключением этого года.

— Неужели что-то случилось?

Все были заняты выживанием. Поглощены переселением. Никто не вспомнил о ней. Оглядываясь назад, действительно так. В этом году ни разу не слышали её песни.

— Ты действительно что-то знаешь? Что случилось с ней?

— Способ.

Нэйвец оборвал слова Хермана. Неуклюжий ленский язык прозвучал с усмешкой, но решительно:

— После того, как развяжете.

Я же говорил, тогда расскажу?

Его простоватое произношение больше не казалось смешным. Херман с окаменевшим лицом кивнул окружающим. Верёвку развязали, и нэйвец, вытягивая затёкшие руки и потягиваясь, попросил вернуть поклажу. Херману, торопившему его поскорее рассказать способ, он наоборот выговорил, зачем так спешить, подождите немного. Прекрасно зная, что люди ждут в тревоге, нэйвец неторопливо распаковывал сумку. Проверял содержимое.

Взгляд Хермана окончательно ожесточился. Осознал, что ситуация перевернулась, что нэйвец получил преимущество. Тот, кто даже связанным был самоуверен и невозмутим. После того как развязали, и вовсе воспарил.

Роясь в вещах, нэйвец тихо цокнул языком.

Нет записной книжки.

Он вспомнил переполох, случившийся в поезде несколько дней назад. Тогда выпала вместе? Содержание всё в голове, так что неважно, но если блокнот попал в руки к тому мужчине...

Неважно. Всё равно мёртв.

Кроме железной дороги, там пустое голое поле. Что может сделать человек, внезапно свалившийся в такое место? Холодная промёрзшая зимняя земля. Сколько продержится в снежной пустоши, где не раздобыть и крошки еды? Даже если человек великого Камира, даже если маг огня - то же самое. Сила духов зависит от окружающей среды. Насколько беспомощны становятся в Валенсе огненные духи, считающиеся сильнейшими в Нэйве, - факт, широко известный ещё двадцать с лишним лет назад. Во время освоения Валенса. Вероятно, тот мужчина умрёт от холода, так и не применив как следует свою силу. Нэйвец слегка

улыбнулся.

— Кстати, раз уж так встретились – это тоже судьба, а мы ещё даже не представились. Меня зовут Кан. Амигаб Кан.

Это место, со всех сторон окружённое стеной из снега и льда, отказывающее в доступе, оказалось внутри тихим и безмятежным. Словно глаз тайфуна.

Распорядок дня Тена в замке чудовищ был регулярным. Просыпаясь рано по привычке, сначала делал зарядку и разминался. Затем принимал ванну, обычно используя растопленный снег. Холодное обтирание совершенно не его – не знал, насколько благодарен судьбе, что стал магом огня.

Расслабив тело в горячей воде, помогал повару готовить еду. Неожиданно продуктов было много. Просто все замёрзли и были бесполезны. Теперь, когда есть Тен, всё в порядке. На вопрос, как же раньше справлялись с едой, повар дал шокирующий ответ: "Никак".

После приготовления еды шёл встречать государя. Ни больше, ни меньше – три стука, и государь выходил. Иногда открывал дверь, протирая сонные глаза, иногда с острым выражением лица игнорировал само его существование. Тен, в зависимости от обстановки, брал Его Величество на руки.

После еды на кухне бродил в поисках рисующего волка. Если попросить помощи у Его Величества, было бы намного легче, но не осмеливался на это и только прикидывал время, когда заговорить об этом.

Так, обыскивая места, куда указывал компас, уже несколько дней. Когда чувствовал взгляд и проверял, неизменно видел чудовищ, пристально смотрящих на него. И горгульи на крыше, и виверны на колоннах, и сирены на карнизах. Серо-белые глазные яблоки катались вслед за движениями Тена.

Почему так? Почему каменные чудовища следят за ним? Раздумывая в недоумении, Тен понял, что его облик, роющегося повсюду, идеально подходит для принятия за вора. Поэтому придумал предлог – уборка. Хоть это и был предлог, раз уж так сказал не кому-нибудь, а Великому императору суровых холодов, не мог сидеть сложа руки и действительно занялся уборкой.

Замок, заброшенный около трёхсот лет, не кончался, сколько ни убирай. Подметал пол, прокладывал дорожки в заснеженном саду, вытирал пыль, щекочущую носы чудовищ. Внезапно приходя в себя, обнаруживал, что полностью забыл изначальную цель и старательно убирается. Идеальное сочетание вьёвшейся в тело добросовестности и рабской психологии.

Валленштайн либо молча наблюдал, прислонившись к стене, за работой Тена, либо исчезал, источая леденящую душу ауру, и внезапно появлялся снова. Тен, который в моменты его исчезновения искал волка, вдруг задумался.

— Чем Ваше Величество обычно занимаетесь?

Когда он бесшумно исчезал, куда он уходил, оставив позади его, свои ноги? Он сам не считает себя настоящими ногами, но раз государь приказал, не должен ли хотя бы изобразить это?

— Интересно?

— Да.

Валленштайн, отхлебнув тёплого чая, наклонил голову. Лениво опущенные пепельные глаза обратились к Тену. Казалось, этот взгляд досконально изучает его нутро. Тен с трудом подавил порыв отвернуться. Каждый раз так. Только кажется, что привык, как в неожиданный момент приходит жуткое напряжение.

Когда Тен до конца не отвёл взгляд, Валленштайн кивнул. Проходной балл.

Комната в конце правого коридора на третьем этаже. Тен, схватив ручку, глубоко вдохнул. После увиденного в комнате с портретами на втором этаже он и близко не подходил к большим комнатам в конце коридоров. Но сегодня последовал за Валленштайном сюда. Тен перевёл взгляд на подсвечник-ящерицу. Чёрная ящерица лишь прилипла к стене и высовывала язык. Похоже, не интересовалась, что делает большой человек.

Тен в сильном напряжении повернул ручку. Сквозь слегка открытую щель двери встретился взглядом с парой глаз. Когда застыл с "ох", Валленштайн постучал по плечу. Подгоняющий жест. Растерявшийся Тен, вцепившись в Валленштайна как в спасательный круг, открыл дверь до конца.

Тот, с кем встретился взглядами Тен, был не кто иной, как голова оленя. Кроме того, медведь с поднятыми передними лапами, северный олень, готовый вот-вот кинуться вперёд, волк с вытаращенными глазами, высматривающий добычу, орёл, парящий в небе – разнообразная жизнь была реалистично набита чучелами. Одно было ясно – это не по вкусу Тену.

Зачем сюда пришли? Я лишь спросил, чем Его Величество обычно занимается.

— Неужели у Вашего Величества хобби – чучела...

— Что?

Валленштайн резко поднял голову.

— Кто обладает таким пошлым хобби?

Показалось? Хотя помещение было полностью закрыто, внезапно стало жутко холодно. Тен сжался. Его Величество, похоже, рассердился. Валленштайн настолько не выражал эмоций, что Тен не ожидал такого явного недовольства.

Заметив, что среди набитых волков есть одно явно пустое место, Тен представил, как Валленштайн сидит там и работает, и тихонько отвёл взгляд. Если так не нравится, почему не убрал вовсе? Было любопытно, но спрашивать не собирался. Однако у Валленштайна была чутьё призрака.

— Прикасаюсь тоже противно.

Ах, да. Понятно. Тен энергично закивал.

— Там.

Маленькая рука указала на дверь под набитым оленем. Из-за слишком впечатляющего интерьера комнаты чуть не прошёл мимо, не заметив ещё одну дверь. Тен, намеренно

игнорируя обезглавленного оленя, открыл ту дверь.

Свиист..... резкий ветер ударил по щеке. Тен растерялся от внезапно открывшейся внешней панорамы. Под открытой дверью не было ни единого места, куда ступить, только внешняя стена замка продолжалась словно обрыв.

— Нет, зачем дверь в таком месте...

Разве не идеальная конструкция для смертельного падения? Когда в испуге попытался отступить, Валленштайн указал в пустоту. Тен, крепко держась за дверной косяк, вытянул только шею.

Галерея заднего двора замка зашевелилась и подняла голову, как змея. Выпрямившись словно живое существо, галерея приблизила голову к пустой двери. Создала путь.

Тен ступил на взмывшую галерею. Галерея, ставшая висячим мостом, вела к отдельно стоящей башне. Чтобы попасть туда, где держится лишь на одном тонком мосту, единственный путь – через воздушную галерею.

Длина галереи идеально совпала. Тен, достигнув башни и держа Валленштайна на руках, свободной рукой схватил дверную ручку. Сквозь кожаные перчатки казалось, чувствуется холодное прикосновение металла. Дверь выглядела довольно ветхой, поэтому хотел открыть осторожно, но яростный ветер ворвался и распахнул её сам. Тен вошёл в широко раскрытый проём.

Странное пространство. На каждой угловатой стене висело по одному окну разных размеров – всего семь, не считая стены с входной дверью. Тен подошёл к окну размером с его ладонь. В отличие от других разбитых и разбросанных окон, это маленькое выглядело относительно целым.

Проведя по толстому слою пыли на раме, обнаружил выцветший красный цвет. Только сейчас заметил, что цвета всех рам разные. В порядке размера: красная, оранжевая, жёлтая, зелёная, синяя, тёмно-синяя, фиолетовая – череда окон, идущих по кругу. Медленно идя вдоль стены, Тен остановился у окна с зелёной рамой. Большие и маленькие лица – одно, два, три, четыре, пять, шесть... Так много, что не сосчитать. В мелко растрескавшемся, как паутина, стекле отражалось бесчисленное множество одинаковых лиц. Пытаясь сосчитать их все, Тен перестал – закружилась голова.

— Знаешь, что это?

Бледный кончик пальца указал на разбитые и треснувшие окна. Тен покачал головой: нет.

— Окна, показывающие весь мир.

Ааа, так это и есть семь окон. Самое маленькое окно показывает свой дом, чуть больше – всю деревню, следующее – целый замок, ещё больше – город, ещё больше – страну, ещё больше – континент, самое большое – весь мир. Таинственные окна.

— У карликов Марбурга после окончания ученичества наступает год странствий. Один карлик по имени Вильгельм, проходивший мимо, познакомился с женщиной. С человеком, который должен был всю жизнь прожить взаперти в этом замке.

Впервые Валленштайн говорит так долго. С обычным невозмутимым лицом рассказывая об

императрице Саре, он почему-то казался одиноким.

— Она хотела выйти за пределы замка, но у карлика не было для этого сил. Вместо этого он создал окна, воплотив её желание.

Подобное создаёт подобное. Способность воплощать желаемый эффект через простое подражание. Одна из таинственных способностей, которой обладали мастера Марбурга.

Тогда эти окна - материализованное желание? Карлики Марбурга - группа мастеров, создающих вещи гениальные и оригинальные, превосходящие воображение. Их изделия были настолько редки, что невозможно было оценить их стоимость, а если случайно попадали на аукцион, то продавались за астрономические суммы. Многие маги отправлялись на поиски Марбурга, но все терпели неудачу - это было легендарное место.

— Ваше Величество обычно проводите здесь время?

— Иногда.

Маленькая рука указала на окно с синей рамой. Когда почтительно поднял его обеими руками, в руке Валленштайна внезапно появился синий осколок. Валленштайн вставил осколок в щель окна. Голубой фрагмент идеально встал в разбитое и треснувшее стекло. Пепельный ребёнок подбирал большие и маленькие кусочки. Не те пазлы, что продаются в магазинах, а осколки разбитого стекла.

Хоть знал, что этот крошечный ребёнок на деле - ужасающее существо. Тен беспокоился, как бы маленькая нежная кожа не порезалась об острое стекло. С одной стороны, был поражён. Это были фрагменты, невидимые глазу. Пазл из микроскопических осколков, которые можно было обнаружить лишь по отражённому свету, был собран с невероятной точностью - на уровне чуда.

— Вы постоянно собираете осколки стекла?

— Не постоянно, но часто.

Внезапно вспомнилась сцена.

— Вы ездили в деревню никс за осколком?

— Да.

Вспомнилась история о девочке, которая наступила на осколок, после чего её тело и душа замёрзли, и она умерла. Но не произнёс вслух. Есть слова, которые можно говорить, и слова, которые нельзя. Это - то, что ни в коем случае нельзя говорить перед Валленштайном. У Тена хватало чутья.

Кстати, содержание книги - не полная выдумка. Великий император суровых холодов действительно странствовал в поисках утраченных осколков.

— Может, из-за того, что были созданы с желанием видеть внешний мир. После того как окна разбились, осколки разлетелись повсюду. И сейчас бродят сами по себе, осматривая мир.

— А Ваше Величество собираете осколки и восстанавливаете окна. Вы всё это делаете в одиночку?

— А кто ещё?

Удивление, восхищение и сочувствие. Вероятно, потому что представил образ ребёнка, оставшегося в одиночестве в этом безмолвном месте на протяжении бесчисленных дней, пока восходит и заходит солнце, прибывает и убывает луна, сменяются времена года.

— Почему вы этим занимаетесь?

Почему правитель, получивший титул Великого императора, этим занимается? Не понимал. Хорошо знал, какое влияние несут осколки. Может, потому что к ним прикоснулось дыхание Великого императора? Осколки одним своим существованием разъедали окрестности. Как привели девочку к смерти от холода и заморозили деревню никс.

Оглядываясь назад, понял: и то, что лёд на озере крепко замёрз, и то, что не раскалывался никакими способами - всё из-за осколка. Тен бы постарался поскорее собрать их, чтобы не было большего ущерба. Считал это естественным, так и должно быть.

Но вряд ли этот маленький правитель беспокоится об общественном благе.

— Время было.

Как и ожидалось. Валленштайн с лицом, лишённым каких-либо эмоций, добавил:

— И скучно было.

Времени было навалом и от скуки. Попалось на глаза. Причина была только в этом.

— Разве не было тех, кто помогал?

Когда маленькое лицо отрицательно покачало головой, белые волосы с шорохом потёрлись о грудь. Впрочем, вспоминая дурную славу этой особы, кто бы захотел быть рядом? Почему-то стало тяжело на сердце. Тен глубоко и долго выдохнул, пытаясь избавиться от сдавившего комка. Одновременно пепельные глаза обратились к Тену. Как ни смешно, к глупому человеку, осмелившемуся пожалеть великого владыку, синие губы зловеще пошевелились:

— Поможешь ты.

— Что?

Тен, невольно переспросивший, стал барахтаться: нет, то есть, не то чтобы не буду помогать, конечно помогу, просто... В любом случае ответ был предрешён.

— Чем я могу помочь?

Приходилось выбрасывать разбитое стекло, но никогда не собирать по кусочкам. Такое даже не представлял. Обычный человек не может спокойно обращаться с острыми осколками стекла. Это государь тоже знает.